

Список литературы

- Аристотель*. Риторика; Поэтика // Аристотель / Под ред. О. А. Сычева, И. В. Пешкова, Ф. А. Петровского; Пер. с древнегреч. О. П. Цыбенко, В. Г. Аппельрота. М., 2000.
- Арто А.* Театр и его Двойник. СПб., 2000.
- Борсук П.* Виртуальная реальность и искусство // Мультимедиа. 1996. № 4 (дек.).
- Бурлаков И.* 3D: почему от первого лица только стрелялки? <http://www.ixbt.com/editorial/3dwhyfps.shtml> – 01.08.01.
- Генис А.* Вавилонская башня: искусство настоящего времени. М., 1997.
- Генис А.* Гипертекст – машина реальности // Иностр. лит. 1994. № 5.
- Громов Г.* Всматриваясь в «третью волну» // Молодой коммунист. 1987. № 9.
- Дюрер А.* Эстетический экскурс в конце книги III // Мастера искусства об искусстве: В 7 т. Т. 2: Эпоха Возрождения. М., 1966.
- Жижек С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1–2.
- Карелов С.* Виртуальная реальность станет доступна каждому // Компьютер Пресс. 2000. № 8.
- Леонардо да Винчи.* Избранные отрывки из литературного наследия // Мастера искусства об искусстве. В 7 т. Т. 2: Эпоха Возрождения.
- Мамардашвили М.* Время и пространство театральности // Театр. 1989. № 4.
- Михайлович Я.* Проза Милорада Павича и гипертекст // Иностр. лит. 1995. № 7.
- Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Павич М.* Вечность и еще один день. Меню для театрального ужина // Иностр. лит. 1995. № 7.
- Эссли М.* Арто // Арто А. Театр и его Двойник.
- Greenaway P.* Kino gestern und morgen // Lettre International. 1998. № 37.
- Woolley B.* Virtual Worlds. A Journey in Hype and Hyperreality. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1992.

Т. О. Санникова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ XIX ВЕКА

Говоря об отличиях провинции XIX века от столицы, следует помнить, что провинция была неоднородна. Капитализм, набирающий темп в XIX веке, подтолкнул к развитию города, превратив ряд из них в промышленные и культурные центры (Нижний Новгород, Одесса, Харьков, Екатеринбург и др.). Сильное влияние оказывало на этот процесс наличие в городах крупных учебных заведений, особенно университетов. В данной статье мы будем говорить прежде всего об уральских горных заводах и окружавших их городских и сельских поселениях.

Уральская провинция была неоднородна, но тем не менее обладала рядом общих черт, отличающих ее от столиц. Столицы могли похвастаться крупными театрами, различными клубами и салонами, выступлениями знаменитостей. Это расширяло кругозор, давало пищу уму и сердцу, но и создавало ощущение суеты и пустоты. Именно поэтому плюсы столичной жизни оборачивались ее минуса-

ми. Провинция же давала возможность сосредоточиться на своем внутреннем мире. Отсутствие официальных учреждений культуры приводило к развитию творческого начала, созданию самостоятельных очагов культуры – в этом заключался важный источник саморазвития.

Определение «провинциальная» по отношению к интеллигенции не просто констатация факта проживания интеллигента в провинции; оно является не только географическим, но и качественным, поскольку провинция привносила свою систему ценностей, определяла образ жизни, отличающиеся от столицы; и провинциальная интеллигенция была в определенной степени их носителем, хотя в то же время боролась против них.

Российская провинция так или иначе взаимодействовала с деревенской средой, что проявлялось в двух аспектах. Во-первых, в близком общении с деревенским населением, а медики и педагоги низшего звена часто выполняли крестьянскую работу на приусадебном участке, что помогало им выживать. Кроме того, связь с деревенской средой проявлялась и в облике провинциального города. «Вся Чусовая, – писал Д. Н. Мамин-Сибиряк об уральском пейзаже, – собственно говоря, представляет собой сплошную зеленую пустыню, где человеческое жилье является только приятным исключением. Несколько заводов, до десятка больших пристаней, несколько красивых сел – и все тут. Это на шестьсот верст протяжения. Да и селитба какая-то совершенно особенная: высыплет на низкий мысок десятка два бревенчатых изб, промелькнет полоса огороженных покосов, и опять лес и лес, без конца-краю» [Мамин-Сибиряк, 1958: 67].

Пространство провинциальных городов XIX века естественно вписывалось в окружающее пространство природы. Постройки из камня были редки (на Уральских горных заводах – дом горного начальника, губернатора, собор, особняки купцов, ряд общественных зданий, но и последние в большей степени стали строить из камня, кирпича на рубеже XIX–XX веков). Так, в Екатеринбурге в 1849 году было 168 каменных домов и 2884 деревянных [Козинец, 1989: 46]. Основным материалом оставалось дерево. «Теплое» и податливое, оно демонстрировало в русской избе с резными наличниками удивительное родство человека и природы. Деревянные постройки словно растворяются в окружающем ландшафте. В облике такого города нет четкости, но в этом-то и особенность его пространства. Отсюда, от необъятного простора, пространства без конца и особое видение этого пространства, «ландшафтное зрение», как его определил Д. С. Лихачев. На основе «ландшафтного зрения» «возделывался национальный пейзаж, формировалась вся русская пространственная культура, в том числе и градостроительство, отличающееся стройной продуманной системой зрительного восприятия» [Разумовский, 1989: 33].

На архитектурном облике уральских городов в значительной степени сказывался и характер производственной деятельности, определяющий строительство тех или иных заводских сооружений, которые влияли и на характер гражданских зданий, например, тем, что во многих из них достаточно скупое использовались декоративные элементы. Влиянием производства объясняется и создание прудов при строительстве уральских заводов. Со временем они стали одним из главных природных акцентов в облике городов. На пруд были ориентированы основные постройки. Л. А. Козинец, характеризуя особенность застройки Екатеринбурга, отметила черту, свойственную многим уральским горно-заводским поселениям: богатые горные чиновники, купцы строили свои усадьбы не за городом, а в центре, вблизи завода.

Следует отметить, что резкого перехода от одного стилистического направления к другому в уральских городах (и в целом в российской провинции) не происходило, стили сосуществовали, постепенно переходя один в другой. Эта особенность, помимо указанных объективных причин, коренилась и в самом провинциальном укладе, ориентированном прежде всего на традицию, а не новацию, как это было в столице.

В провинциальных российских городах XIX века редко можно было встретить архитектурные шедевры, которыми блистали Москва и Петербург, но при этом в совокупности они образовывали целостный градостроительный мир. «Ландшафтное зрение иначе расставляло акценты в восприятии архитектуры; открывающиеся из города далекие виды на живописные окрестности были его художественной доминантой и даже первопричиной» [Разумовский, 1989: 33].

Обозримость, открытость – определяющие характеристики провинциальных российских городов. Д. Н. Мамин-Сибиряк дал множество поэтичных описаний видов уральских поселений. В романе «Горное гнездо» он так характеризует облик Кукарского завода: «Вид на Кукарский завод и на стеснившие его со всех сторон горы из господского сада, а особенно с веранды господского дома, был замечательно хорош, как одна из лучших уральских панорам. Центр картины, точно налитое до краев полное блюдо, занимал большой заводской пруд овальной формы» [Мамин-Сибиряк, 1981: 15]. Близость к природе, гармоничное единение с окружающим ландшафтом влияли и на бытие их жителей.

Многое об уральском городе говорят фотографии (в основном датированные концом XIX века), зарисовки (к примеру, прекрасные путевые наброски В. А. Жуковского, сопровождавшего во время поездки на Урал в 1837 году наследника престола, будущего Александра II), свидетельства современников. Последние зачастую разноречивы, но через палитру мнений мы получаем наиболее полное представление о городе. Так, пермский губернатор И. И. Огарев в 1851 году писал о Екатеринбурге: «На самых лучших его улицах тянутся длинные заборы, или рядом с богатыми палатами золотопромышленников стоит ветхий дом мастерового, боковые улицы и дальнейшие от центра города в весеннее и осеннее время совершенно неудобны для проезда по причине грязи и болотистой почвы» [Козинец, 1989: 46–47]. Британский же путешественник Аткинсон, посетивший Екатеринбург в 1847 году, а затем – в начале 50-х годов, был восхищен видом города. По его мнению, многие дома «были выстроены в таком изящном стиле и с таким вкусом, что могли бы с полным правом занять место в каждом большом европейском городе» [Шкерин, 1998: 113]. Словам британца вторили и российские путешественники – Э. К. Гофман, впервые приехавший в Екатеринбург в 1843 году, и И. Ф. Бламберг, побывавший здесь в 1848 году. В. А. Шкерин в своей книге, посвященной генералу Глинке, склонен видеть причину столь различного восприятия города в конфликте Глинки и пермского губернатора по поводу подчинения города, из чего заключает: «Едва ли губернатор был беспристрастным вскоре после поражения в борьбе за город. Более ценными представляются впечатления людей, не зависящих от противоборствовавших администраций» [Шкерин, 1998: 112]. Возможно, следует признать некоторую справедливость утверждения исследователя в отношении пермского губернатора, но безоговорочно доверять словам сторонних людей, путешественников все же не стоит. Ведь видели они, как правило, лишь центр

города, его парадный фасад. И здесь вполне применимо знаменитое высказывание А. Герцена по поводу восприятия России А. де Кюстином: он видел только то, что можно было видеть из окна коляски, катившейся по мостовой. Высказывание же пермского губернатора, как ни странно, до сих пор во многом соответствует действительности, как и то, что с иронией написано в статье «Штрихи общественной жизни» (Екатеринбургская неделя. 1879. 25 июля): «В общем виде... Екатеринбург представляет собой очень красивый город и из прекрасного далека, в некоторых частях напоминает даже собою Северную Пальмиру. Широкие, красивые и стройные улицы Екатеринбурга, заслужив для некоторых из них право на наименование проспектами, разделяются на две категории: к одной из них относятся все те, по которым нельзя ездить, без опасения не утонуть в болоте; к другой – все остальные, так называемые шоссированные, по которым хотя и можно ездить, но с опасением получить сотрясение мозгов. В центре города, по главным улицам, тянутся традиционные провинциальные бульвары, на которых блуждающие на приволье козы находят для себя обильное пастбище, а обыватели, заходящие на них, вдыхают густые клубы пыли...» В 90-х годах Екатеринбург посетила комиссия по обследованию уральской промышленности, возглавляемая Д. И. Менделеевым. Город произвел на членов этой комиссии не самое приятное впечатление: «Правда, город большой, но какой-то унылый, сонный. Как будто он обстраивается, и как будто разрушается» [Козинец, 1989: 119]. Прочитав подобные свидетельства, понимаешь, что сатирические образы городов, встречающиеся в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, недалеко ушли от российской действительности. В «Губернских очерках», где под именем Крутогорска описана Вятка, писатель так говорил об обратной стороне патриархальности и спокойствия провинции: «Не то чтобы он отличался великолепными зданиями, нет в нем садов семирамидных, ни одного даже трехэтажного дома не встретите вы в длинном ряде улиц, да и улицы-то все немощеные; но есть что-то мирное, патриархальное во всей его физиономии, что-то успокаивающее душу в тишине, которая царствует на стогнах его. Въезжая в этот город, вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы уже ничего не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и переваривать ваши воспоминания. И в самом деле, из этого города даже дороги никуда нет, как будто здесь конец миру» [Салтыков-Щедрин, 1926: 133].

Образ уральских городов, как, впрочем, и многих других, многомерен: центр – официальная часть города, с собором, домом горного начальника и зданиями центральных городских сооружений, как никакая другая стремилась подражать линейности и четкости Петербурга; чем ближе к окраине – тем более скромными становятся постройки, кривыми – улочки, приближающиеся к облику соседних деревень. При этом не случайно Москву первой половины XIX века многие современники нередко сравнивали именно с провинцией, с патриархальностью и живописностью ее ландшафтов, и замечали, что в этом странном гротеске есть своя красота [Белинский, 1991]. В уральских городах просматривается взаимодействие петербургской и московской архитектурных школ. Влияние Петербурга чувствуется прежде всего в планировочной структуре. Центры городов размещались по периметру предзаводских площадей и по берегам заводских прудов. Элементы московской школы архитектуры проявились в характере домов, частных и общественных зданий. Небольшие уютные усадьбы, городские особняки

оказывали влияние и на архитектуру сооружений общественного назначения, которые приобретали камерный характер жилого особняка и часто были окружены зеленью садов, что еще более подчеркивало их сходство с городской усадьбой. Влияние, московской архитектуры, хорошо видно, к примеру, в Екатеринбурге, в таких зданиях, как горная аптека, госпиталь Верх-Исетского завода [Козинец, 1989].

Любой ландшафт, возможность непосредственного взаимодействия с природой, без сомнения, оказывает влияние на формирование личности. Русская природа в большей части своей тиха и ненавязчива. Л. Н. Гумилев писал о цветах Бежецкого края: «Они незаметны, и они освобождают человеческую душу, которой человек творит; они дают возможность того сосредоточения, которое необходимо для того, чтобы отвлечься на избранную тему...» [Степанов, 1989: 93].

Мир провинции давал почву для самоанализа, развития интеллекта и души. Отсюда же возникал импульс к творчеству.

Однако на бытие интеллигента в провинции оказывало влияние и провинциальное общество. Провинциальная жизнь с ее скукой, тоской зачастую приводит к деградации личности, это проявляется и сегодня, уже в XXI веке. Однако провинциальная жизнь не была носителем лишь отрицательных черт. Учителем в Вологодском уезде Н. Ф. Бунаков отмечал, что уездная жизнь дала ему немало полезного: «так как здесь люди живут теснее, ближе друг к другу, проще, откровеннее, то здесь легче научиться познавать людей, делать им верную оценку, оценивать их не по внешности, а по их внутреннему достоинству» [Бунаков, 1909: 42]. Писатель М. А. Осоргин, чье детство прошло в Пермской губернии, признавался: «Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции, в деревянном доме, окруженном несчитанными десятинами, никогда не знавшими крепостного права, и что голубая кровь отцов окислилась во мне независимыми просторами, очистилась речной и родниковой водой, окрасилась заново в дыхании хвойных лесов и позволила мне во всех скитаниях остаться простым, срединным, провинциальным русским человеком, не извращенным ни сословным, ни расовым сознанием; сыном земли и братом любого двуногого» [Осоргин, 1989: 14].

Между тем тот же Н. Ф. Бунаков, попав в «Северную Пальмиру», заметил: «Петербург, с его тогдашним движением и настроением, так мне понравился, что я стал хлопотать, как бы мне здесь пристроиться» [Бунаков, 1909: 51]. Об этом же читаем и у М. А. Осоргина: «Была у родителей мечта: из глухой провинции перебраться в столицу, или хоть поближе к центру» [Осоргин, 1992: 63].

«Столицы» были для провинции звездами-ориентирами, вне зависимости от того, пытались ли им подражать или отгородиться от них. Они были поставщиками кадров для заводов, школ, медицинских учреждений в провинции. Именно там получали образование многие будущие интеллигенты. Столичная атмосфера давала очень много для становления личности.

Провинциальной интеллигенции приходилось жить в обществе ином, нежели общество столицы, и, несомненно, это влияло на формирование ее определенных черт. В. Е. Грум-Гржимайло, прекрасно знавший среду Горнозаводского Урала, писал в своих воспоминаниях: «Урал накладывал очень своеобразную печать на инженеров и их семьи. В маленьком заводе управитель был, с одной стороны, царьком с весьма большой и реальной властью, с другой стороны, он жил почти в одиночном заключении. Лиц, равных ему

по образованию и положению, не было. <...> Надо было очень много истинной интеллигентности, чтобы в такой обстановке не скучать, найти себе дело, не зазнаваться и не принизиться до уровня окружающей полуинтеллигентной среды» [Грум-Гржимайло, 1996: 52].

Социальный состав жителей на уральских заводах был примерно одинаков, хотя несколько менялся на протяжении века. Почти половину населения составляли рабочие – казенные мастеровые и «непременные работники». Богатого родовитого дворянства практически не встречалось. В основном это были чиновники горного ведомства, военные, приказчики и управляющие заводами. Постепенно все большую роль в жизни города начинали играть мещане, крестьяне, занятые в различных промыслах и торговле. К концу века значительный вес приобрело купечество. Собственно элита этих городов составляла незначительный процент; формировалась она в основном, конечно, за счет горных инженеров, врачей, учителей, купечества, то есть интеллигенцию можно было буквально пересчитать по пальцам. Если же человек получал определенное образование, то оно требовало от него соответствующего образа жизни. В условиях почти полного отсутствия соответствующей среды необходимо было прикладывать дополнительные усилия, чтобы не утратить свой потенциал и тем более приумножить.

Социальный состав города влиял на общую культуру, быт и нравы населения. На Урале города-заводы в этом плане оказывались в более выгодном положении. К примеру, если сравнить находившиеся рядом Воткинский завод, города Сарапул и Глазов, сравнение будет не в пользу последних. Сарапул, равный Воткинскому заводу по населению, был городом купеческим. Купечество определяло фактически лицо города, формировало его архитектурный облик и общий уровень жизни. В пермском журнале 1897 года находим такое описание: «Сарапул... большое богатство – и рядом поразительная нищета. Маленькие дворцы купцов – и бесприютная, пьяная босая команда, бродящая по пристани, прибрежным кабакам и сидящая под заборами. Эти дворцы и богатые церкви утопают в непролазной грязи немощеных улиц. По улицам можно только ездить, но не ходить...» [Сарапул..., 1987: 49]. Еще более незападным было положение Глазова. Население его было небольшим: с начала века к концу оно увеличилось с двух тысяч до четырех. В очерках учителя глазовского уездного училища В. М. Шестакова положение города в 1858 году описывалось следующим образом: «Образование жителей стоит на низшей ступени нравственного и промышленного развития, в особенности в мещанском сословии. Бедность промыслов и ремесел составляет характеристическую черту жителей Глазова: в нем нет ни портных, ни сапожников; первые из них не более как плохие ученики из уездных городов, а последние – отставные солдаты. Чиновные лица и прочие, сколько-нибудь имеющие претензию на вкус, получают платье и обувь из Вятки, которая тоже не может похвалиться сколько-нибудь сносными портными и другими цеховыми...» [Глазов..., 1992: 23]. Наиболее типичные и характерные черты Глазова, представителей его различных социальных групп запечатлены и в творчестве В. Г. Короленко, который отбывал здесь ссылку в 1879 году. Описание Глазова встречаем в его повести «Ненасостоящий город. Беглые наблюдения и заметки»: «Самый город выходит ненастоящий, и жизнь его как будто призрачная, чего-то ожидающая, как эта задумавшаяся над ним недостроенная колокольня.

“Ненасостоящий, ненастоящий”... Как, в самом деле, он возник и почему существует? Неужели для этого достаточно было выстроить “замок” со сте-

ной и решетками, поселить в центре исправника с десятком людей в сюртуках темно-зеленого сукна, умеющих составлять и переписывать бумаги... Люди в темно-зеленых сюртуках кормятся от щедрот государственного казначейства, “торговые” кормятся около них, “чеботные” около “торговых”. И ничего более? Ничего, что должно быть в настоящем городе: ни фабрик, ни заводов, ни всего, что росло бы само собою, устанавливая живой обмен с деревней.

Рост останавливается... Начинается жалкое прозябание... Город-амфибия с недоразвившимися задатками, с тоской ожидающими завершения...» [Глазов..., 1992: 34].

В. Г. Короленко подметил важную черту в существовании города: город появляется среди земледельческих поселений – как центр торговли, ремесла, затем – промышленного производства. Если в городе нет промышленных предприятий, торговля находится в зачаточном состоянии, что определяет и его расположение – в стороне от основных торгово-экономических коммуникаций и центров, жизнь в нем постепенно затихает. Сам факт того, что Глазов носил статус города с 1780 года, а Воткинский завод приобрел его только в советское время, еще ничего не говорит о действительном положении вещей. Уральские города-заводы сохраняли динамику развития именно в силу своего промышленного характера. Развитие промышленности влекло за собой и развитие города.

Конечно, положение уральских городов-заводов не было идеальным, о чем говорят многие дошедшие до нас свидетельства. В описании Златоустовского завода 1879 года находим много общего и с другими уральскими поселениями. Златоуст, город с населением около двадцати тысяч жителей, в это время обладал из всех «двигателей» общественной жизни только окружным училищем, да и оно, по свидетельству современников, «участия общества не вызывало». В корреспонденции № 4 «Екатеринбургской недели» 1879 года читаем: «По части духовной пищи также полнейшее отсутствие чего-нибудь правильно организованного: об общественной библиотеке, доступной простым смертным, т. е. всем и каждому, и понятия нет. Если вздумали бы вы приобрести какую-нибудь книжку – не льстите себя надеждою, что это вам удастся, кроме “Аглицкого Милорда” и К°, вы ничего не найдете. Источник утех и сладостей для большинства нашей интеллигенции доставляет зеленое поле с картами». В описании Невьянского завода этого же времени отмечаются схожие черты: «Число семейств, составляющих, так сказать, “сливки” невянского общества, очень немного. Но и они раздробляются на кружки, так как общности между всеми семействами очень мало или почти вовсе нет. <...> Вообще жизнь крайне монотонна и представляет мало интересного для описания; то же переливание из пустого в порожнее, та же карточная игра, составляющая единственный способ развлечения собравшихся гостей, – одним словом, уголок невянский представляет из себя такое захолустье, в котором жизнь не бьет ключом и слаба: “день да ночь – сутки прочь” – подходят как нельзя более к общественной жизни невянцев. <...> Разве иногда выйдет какой-нибудь скандальчик, дающий большой материал для разговоров, предложений, заключений, но и о нем покричат немного, да и опять умолкнут до следующего скандала» (Екатеринбургская неделя. 1879. № 7). В этих описаниях налицо и определенный конфликт – между лицом, критически воспринимающим эту действительность, и укорененностью отмечаемой атмосферы в провинции.

Сам В. Е. Грум-Гржимайло, человек, увлеченный своей работой, которого «буквально носили на руках» в Нижней Салде, писал о тягостной и тяжелой жизни в заводе, особенно зимой: «Тягость была в отсутствии внешних впечатлений. Представьте себе человека более развитого, начитанного, знающего, чем все его окружающие. Эти окружающие любят говорить с этим человеком, черпать от него сведения. Они учатся около него и очень рады, очень довольны. А это несчастный человек! Если это не Козьма Прутков, то положение его ужасно. Из него непрерывно тащат – его никто не питает.

Приезжают гости. Редко, редко, гость ему даст что-нибудь новое, о чем можно подумать. А то ведь гостя надо занимать. Книги... Конечно, книги – большое утешение и читают в медвежьих углах много, но... книги не дают впечатлений реальности» [Грум-Гржимайло, 1996: 92].

Ум интеллигента постоянно требует подпитки: чем более человек образован, тем больше его потребность в образовании. И в этом смысле действительно, как заметил В. Е. Грум-Гржимайло, местным служащим «жилося легче, ибо их культурный уровень был ниже» [Грум-Гржимайло, 1996: 92]. В этом же русле – выводы Д. И. Писарева: «жизнь человека ограниченного почти всегда течет ровнее и приятнее жизни гения или даже просто умного человека. Умные люди не уживаются с теми явлениями, к которым без малейшего труда привыкает масса» [Писарев, 1968: 58].

Несмотря на схожие оценки провинциального общества в целом, у В. Е. Грум-Гржимайло и Н. Ф. Бунакова находим различные характеристики мужской и женской его половины. Так, В. Е. Грум-Гржимайло, находя естественным, что в условиях замкнутой уральской заводской жизни развиваются «те уральские самодуры, мужского и женского пола, о которых так много рассказывают в заводах», тем не менее далее пишет: «Мужчины подчиняются определенной дисциплине, встречаются с властями и менее поддаются этой отраве самодурства, но женщины в этом отношении доходят до “Геркулесовых столбов”» [Грум-Гржимайло, 1996: 56].

Н. Ф. Бунаков же, говоря об уездном вологодском обществе, замечал: «Мужское общество стояло гораздо ниже женского. Впрочем, это – особенность, которая, по моим наблюдениям, сохранилась на Руси и теперь. И понятия, и чувства, и стремления мужчин были в Тотъеме гораздо низменнее и грубее, чем понятия, чувства и стремления женщин»; «я привык ценить женское изящество и благородство, и в душе моей навсегда сохранилось глубокое уважение к русской женщине, умеющей сохранить свою чистоту и, сравнительно, возвышенное душевное настроение среди самых неблагоприятных условий, в сожительстве с самыми грубыми и безнравственными людьми» [Бунаков, 1909: 30–31].

При столь различной оценке мужского и женского общества стоит отметить, что если В. Е. Грум-Гржимайло в какой-то степени объясняет свою характеристику («замкнутость» как источник самодурства, женская среда как наименее взаимодействующая с внешним миром), то Н. Ф. Бунаков просто констатирует свое наблюдение (давая более лестную характеристику женщинам из неких априорных их качеств).

Примечательно, что в обрисовке семьи нижнетагильского управляющего В. А. Граматчикова можно увидеть много схожих черт с семьей Туркиных из рассказа А. П. Чехова «Ионыч» (1898), что лишний раз свидетельствует о том, насколько точно А. П. Чехов выявлял типичные ситуации в провинциальной среде; конечно же, преломляя их через призму художественного сознания.

Роль провинциальной замкнутости в падении общего интеллектуального фона действительно велика. Если вокруг происходит постоянное движение мысли, если люди стремятся к активным действиям, человек волей-неволей втягивается в общий ритм. Профессиональные знания поддерживаются «вне-профессиональным» общением, «внепрофессиональными» знаниями. Город, село, поселок – сложная система взаимных влияний. Все ячейки этой системы взаимосвязаны (властные структуры и население, инженеры и рабочие, педагоги и ученики и т. п.), если кто-то начинает работать плохо, это отражается на всей системе. «Провинциализм» – это настрой на самоуспокоенность, когда человек в конечном итоге незаметно для себя поддается общей пустоте. «Провинциализм» может проявляться и в столице, но в провинции у него больше шансов на успех (в силу отдаленности от всех и вся). Отсюда не случаен в литературе и публицистике образ болота – стоячего водоема.

Неуспокоенность, активное взаимодействие с окружающей действительностью и могло стать альтернативой в данном случае. И. А. Добровольский писал о Воткинске в предреволюционное тридцатилетие: «Уровень развития воткинских рабочих и служащих был сравнительно высоким, что объясняется главным образом особенностями заводского производства, вынуждавшего завод иметь активные и широкие связи с внешним миром» [Добровольский, б. г.: 6].

При этом важно отметить, какие это были связи с внешним миром. Университетский город в этом плане представлял собой наиболее открытый тип взаимодействия. На Урале в XIX веке подобных городов не существовало. Тем не менее важен сам факт наличия учебных заведений в городе, поселке (их количество, статус). Не случайно даже в глухих деревнях, отдаленных поселках именно школа чаще всего становилась своеобразным очагом культуры. Горный начальник Камско-Воткинского завода И. П. Чайковский писал в рапорте начальнику горных заводов Уральского хребта В. А. Глинке о состоянии школ в заводском округе (1838): «...все почти родители детей своих охотно отдают в школу и желают, чтобы они воспитывались и в отрочестве навыклаи познаниями закона веры и доброй нравственности...» [Воткинск, 1999: 52].

Большую роль в существовании уральских городов в конце XIX века стали играть железные дороги, которые оказывали влияние не только на экономику, но и на быт, поскольку у российских пространств появилась возможность их преодоления в более осуществимом и приемлемом варианте.

Кроме того, на Урале градообразующим фактором чаще всего являлись заводы. Естественно, что заводское производство, взаимодействие по линии промышленного производства оказывало влияние на социокультурную среду уральских городов и поселков. Так, например, И. А. Добровольский писал о разнице этой среды в Воткинском и Ижевском заводах. Ижевск, в связи со спецификой производства, имел дело в основном с органами Военного министерства России. Отсюда гораздо большая регламентация общественной жизни, чем в Воткинске, имевшем обширные связи и с гражданскими ведомствами. Военные по природе своей ориентированы прежде всего на сохранение действующего положения, порядка и проч. И. А. Добровольский [Добровольский, б. г.: 66] приходит к любопытному и, на наш взгляд, верному выводу: развитие общества в Ижевске происходило более медленно и трудно, чем в Воткинске; и организация большевиков (до 1918 года) в Воткинске в конечном итоге не имела такой поддержки, как в Ижевске, поскольку здесь она выступала альтернативой консерватизму.

Тем не менее не стоит делать вывод о Воткинске как об идеальном уральском заводе. И там можно увидеть массу проблем, отражавшихся на общественной жизни. Интересно проследить и определенную эволюцию «интеллектуального фона» завода на протяжении XIX века. Вот, к примеру, что говорится в донесении Воткинской управы благочиния заводской конторе от 23 декабря 1825 года: «На предписание оной конторы от 30 числа минувшего ноября за № 4146 Воткинская управа благочиния имеет честь донести, что имеющихся издаваться в будущем 1825 г. газет и разных периодических изданий, в приложенном при том предписании объявлении означенных, никто из г. г. чиновников выписать желание не изъявил <...>» [Воткинск, 1999: 45]. Здесь, конечно, следует учитывать тот факт, что грамотных в Воткинске и прилегающих к нему селениях (данные 1828 года) насчитывалось 190 человек – один процент от числа всех жителей [Воткинск, 1985: 35]. Кроме того, это донесение дает наглядное представление о среде заводской интеллигенции.

История Воткинского завода не случайно сохранила добрую память о полковнике корпуса горных инженеров Илье Петровиче Чайковском, бывшем горном начальнике Камско-Воткинского округа с 1837 по 1848 год. Модест Ильич Чайковский писал о Воткинске в эти годы: «Масса молодежи, приезжавших на службу из Петербурга, и утонченно образованные семьи англичан, состоявших при заводе, заставляли забывать близость Азии и внешнюю отдаленность от центра цивилизации» [П. И. Чайковский..., 1983: 24].

Менялась среда, а с ней и уровень потребностей. И вот уже в 1859 году находим свидетельство: «на заводе – один подписчик на журнал “Современник”, в 1861 г. – в Воткинск доставлялось уже два экземпляра этого журнала» [Воткинск, 1985: 49]. Хотя, конечно, на протяжении всего XIX века потребность в периодике была не особенно велика. Так, в 1869 году на весь Сарапульский уезд, в котором, кроме города Сарапула, были Воткинский и Ижевский заводы, выписывалось всего 115 экземпляров газет и 89 – журналов.

Заметим, что в свидетельстве М. И. Чайковского вновь сквозит мысль о взаимодействии с внешним миром (Петербург, англичане). В. Е. Грум-Гржимайло вспоминал: «Я прослужил в Нижней Салде до 1893 г. (с 1886. – С. Т.). Чем я жил? За заводом. Я привел его в блестящее состояние. Все старое перечинено и перебрано. <...> Но жить мне было тяжело. Мне не доставало питания извне. Я варился в собственном соку и обращался в уральского неоспоримого божка, что мне нимало не улыбалось. Я решил ехать за границу» [Грум-Гржимайло, 1996: 100]. Здесь мы снова находим подтверждение ранее высказанным мыслям о важности «интеллектуального фона» и «питания извне».

Но «интеллектуальный фон» не появляется сам по себе, для этого нужны годы и такие «неуспокоенные» люди, как И. П. Чайковский, В. Е. Грум-Гржимайло и им подобные.

Деятельным натурам провинция давала возможность развития своих способностей, но не в силу столичных инфраструктур, а в силу, что называется, «непаханого поля». Если было желание творчества, усовершенствования деятельности, то в сферах его приложения недостатка не было. Поэтому не случайны слова И. П. Чайковского: «Признаюсь, не люблю суету – я привык жить в небольшом кругу добрых людей и совершенно следую правилу Цезаря: лучше в деревне быть первым, чем в Риме последним».

Любопытным в этой связи представляется утверждение известного итальянского режиссера Федерико Феллини о том, что настоящие гении могут выхо-

доть только из провинции, поскольку недостаток культурных впечатлений детства заставляет людей целеустремленно компенсировать его своей фантазией. Определенное зерно в этой теории применительно именно к людям талантливым, ищущим есть. Жадность восприятия становилась для провинциальной интеллигенции одной из характерных черт именно в силу опосредованного общения с историей и культурой. Отсюда и самостоятельность, различного рода объединения, уже отмеченная любовь к театру и музыкальным вечерам, идущая от чувственного восприятия мира.

Таким образом, налицо взаимосвязь между миром уральской провинции и деятельностью, ценностными установками жившей в нем интеллигенции.

Список литературы

- Белинский В. Г.* Петербург и Москва // Физиология Петербурга. М., 1991.
- Бунаков Н. Ф.* Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909.
- Воткинск: Документы и материалы. 1758–1998. Ижевск, 1999.
- Воткинск: Летопись событий и фактов. Устинов, 1985.
- Глазов: Документы и материалы. 1678–1989 гг. Ижевск, 1992.
- Грум-Гржимайло В.* Хочу быть полезным Родине. Екатеринбург, 1996.
- Добровольский И. А.* Из заводского прошлого. Воткинский машиностроительный завод: (Рукопись по истории Воткинского завода. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. Использована копия рукописи из личного архива З. А. Владимировой, г. Воткинск; оригинал – в семье И. А. Добровольского).
- Козинец Л. А.* Каменная летопись города. Свердловск, 1989.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4: Уральские рассказы. М., 1958.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Горное гнездо: Роман. Свердловск, 1981.
- Осоргин М. А.* Времена: Автобиографическое повествование. М., 1989.
- Осоргин М. А.* Портрет матери // Мемуарная проза. Пермь, 1992.
- П. И. Чайковский. Годы детства: Материалы к биографии / Сост. Б. Я. Аншаков, П. Е. Вайдман. Ижевск, 1983.
- Писарев Д. И.* Базаров // Писарев Д. И. Избр. произведения. Л., 1968.
- Разумовский Ф.* Большое пространство малого города // Наше наследие. 1989. № 7.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Губернский город // *Анциферов Н., Анциферова Т.* Книга о городе. СПб., 1926. Ч. 2.
- Сарапул: Документы и материалы. 1596–1985. Ижевск, 1987.
- Степанов Е.* Вторая Родина // Наше наследие. 1989. № 3.
- Шкерин В. А.* Генерал Глинка: личность и эпоха. Екатеринбург, 1998.